

УДК 910 : 911

© А. Г. ИСАЧЕНКО

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Поводом к публикации этой статьи послужило обсуждение на заседании редакционной коллегии «Известий РГО» рукописи статьи К. Б. Клокова с соавторами, посвященной экологической экспертизе воздействия индустриального освоения северных территорий России на традиционное природопользование коренного населения [16]. В результате обсуждения мне было поручено подготовить краткий комментарий к данной статье. Однако глубокое убеждение в том, что никакие вопросы расселения, природопользования, сохранения традиционной культуры невозможно решать без опоры на ландшафтно-географический подход, заставило выйти за рамки краткого комментария.

Этноэкологическая экспертиза — важный, хотя и частный вопрос оценки негативного воздействия современной индустрии на жизнь малочисленных народов Севера. Но без серьезного научного географического обоснования подобная экспертиза в условиях современной российской действительности легко может превратиться в громоздкую и дорогостоящую бюрократическую процедуру. Авторы обсуждаемой статьи имеют значительный опыт исследований, который позволил им высказать ряд заслуживающих внимания суждений. Представляется, однако, что они подходят к проблеме несколько односторонне и больше касаются второстепенных, в частности терминологических, вопросов, нежели существа дела. При этом они смещают акценты с *природопользования* (о чем идет речь в названии статьи и в соответствующих правилственных документах) на *культуру*. При всей актуальности задач защиты традиционной культуры очевидна невозможность их решения в отрыве от традиционного природопользования, а последнее в свою очередь определяется состоянием «кормящего» природного ландшафта. Этим положением, как представляется, должна определяться логическая последовательность научного обоснования и практического осуществления мероприятий по *жизнеобеспечению* малочисленных северных народов, не сводя всю проблему к сохранению традиционной культуры.

К. Б. Клоков и его коллеги справедливо, но как бы вскользь замечают, что в фокусе внимания этноэкологической экспертизы лежит взаимодействие этносов с их «кормящим» ландшафтом. Авторы статьи различают две составляющие этнокультурной среды — внешнюю и внутреннюю. Первую они именуют

региональной средой, но суть ее не объясняют. Можно предполагать, что к ней относится и природная составляющая. Что касается внутренней среды, то она определяется как совокупность накопленных этнокультурных ценностей, именуемых «слоями культурного ландшафта». Здесь авторы, к сожалению, некритически следуют распространившейся среди культурологов моде на ландшафтоведческую фразеологию. В действительности эти так называемые культурные ландшафты не имеют ничего общего с ландшафтами — природными или культурными, о чем мне уже неоднократно доводилось высказываться (например, [12]).

Географический подход предполагает всестороннее знание определяющего влияния географической среды на традиционный образ жизни северных народов и феноменальной, веками выработанной адаптированности этих народов к условиям жизни в такой среде. Отечественные географы и этнографы накопили в этой области колоссальный эмпирический материал. В данной статье излагается попытка кратко сформулировать некоторые относящиеся к рассматриваемой проблеме географические закономерности с позиций современного ландшафтоведения как учения о геосистемах.

Коренные народы Севера: многочисленные этносы с малочисленным населением. Общепринятый термин «малочисленные народы Севера» можно считать вдвойне некорректным. Использование слов «малочисленные» и «Север» в данном случае может служить источником недопонимания и недоразумений. Сочетание первого со вторым как определения с подлежащим семантически, скорее, следует понимать как *малое число народов*, тогда как имеется в виду малочисленность населения. Если мы хотим сказать о многих народах с малым числом представителей, т. е. малолюдных (реальная ситуация, например, для юга Дальнего Востока), то пришлось бы говорить о «многочисленности малочисленных народов». В прошлом было в ходу выражение «малые народы», но по этическим соображениям от него отказались. Употребление современного термина создает определенные стилистические неудобства, но с этим приходится мириться и не увлекаться изобретением нового синонима.

Более принципиальный вопрос — в чем состоит критерий малочисленности и где проходит количественная граница между малочисленными и «многочисленными» народами. На практике такая граница образовалась как бы сама собой: по результатам переписей населения страны значительная группа коренных народов следует по численности населения с существенным отрывом от остальных. Для этой группы «потолком» является численность, не превышающая 30—40 тыс. чел., тогда как для большинства других она измеряется сотнями тысяч. По суммарной численности населения, близкой к 200 тыс. чел., рассматриваемая группа, объединяющая около 30 этносов, в 1.2 раза уступает тувинцам, почти в 1.5 раза коми, более чем в 2 раза якутам (саха) и т. д.

Надо заметить, что низкая численность населения хотя и весьма характерный, но по существу вторичный показатель общности группы малочисленных народов Севера. Этнический состав в качестве определяющего общего признака отпадает в силу его разнородности (см. далее). Общую причину обособления данной группы народов надо искать в особенностях той географической среды, в которой происходил этногенез. Слабый намек на это обстоятельство содержится в слове «Север». Но, как уже было отмечено, в данном случае оно не вполне корректно, ибо не является собственным географическим названием и не имеет строгого содержания. При первом взгляде нельзя не заметить, что многие малочисленные народы обитают к северу от «многочисленных». Но это

не является правилом. Известны крупные коренные народы (якуты, коми, карелы), которые расселяются далее на север, чем типичные малочисленные. С другой стороны, большая группа малочисленных народов, традиционно относимых к северным (нанайцы, нивхи, удэгейцы и др.), обитают на юге Дальнего Востока, который при всех стараниях невозможно отнести к Северу. Чтобы уточнить наименование интересующей нас группы народов, следует обратиться к анализу ландшафтной структуры их общего ареала. К этому вопросу нам еще предстоит вернуться. Пока же ограничимся констатацией, что этот ареал охватывает всю Субарктику Евразии и тайгу Азиатской России (т. е. Сибири и Дальнего Востока). Но введение всех этих географических названий в наименование группы этносов сделало бы его чрезмерно громоздким. Поэтому целесообразно сохранить привычную формулировку, имея в виду условность понятия «Север» и принимая во внимание сказанное об ареале. В дальнейшем в статье используется аббревиатура МСН, т. е. «малочисленные северные народы», поскольку МНС уже перехвачен младшими научными сотрудниками.

Таким образом, МСН следует рассматривать как особую *географическую группу этносов*. Но прежде чем обратиться к анализу ландшафтной структуры ареала МСН и влияния географической среды на расселение и образ жизни коренных народов, следует привести необходимую информацию об этническом составе этой сборной группы и численности населения. МСН приобрели официальный статус в 1926 г., когда постановлением советского правительства к этой группе было отнесено 26 малочисленных народов, принадлежащих к различным языковым семьям и группам.

Уральская семья:

- финская группа — саамы;
- угорская группа — ханты, манси;
- самодийская группа — ненцы, энцы, селькупы, нганасаны.

Алтайская семья:

- тюркская группа — долганы, тофалары;
- тунгусо-маньчжурская группа — эвенки, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи, ороки.

Чукотско-корякская семья — чукчи, коряки, ительмены, чуванцы.

Эскимосо-алеутская семья — эскимосы, алеуты.

Этносы-изоляты, не вошедшие в какую-либо семью или группу, — нивхи, юкагиры, кеты.

Согласно этому перечню численность МСН была зафиксирована Всесоюзной переписью населения 1926 г. и составила 124.6 тыс. чел. Однако в последующих переписях оказалось много пробелов и путаницы. Эвены часто путались с эвенками, энцы с ненцами и т. п. В значительной степени это объясняется трудностями, возникающими при идентификации принадлежности той или иной личности к определенному этносу, частичным смешением и ассимиляцией этносов. Принцип самоидентификации в этих условиях крайне ненадежен, и нередко выбор диктуется конъюнктурными соображениями. В итогах переписей 1959 и 1970 гг. долганы объединены с якутами, негидальцы с эвенками, чуванцы с чукчами, энцы с ненцами, ороки с орочами, отсутствуют тофалары. Полный официальный перечень МСН 1926 г. был восстановлен в переписи 1989 г., но к нему были добавлены телеуты и шорцы, что трудно признать корректным: первые составляют одну из нескольких племенных ветвей алтайцев, не имеющих отношения к МСН, а вторые, обитающие в предгорьях Алтай-

Таблица 1
Малочисленные северные народы России

Национальность	Численность, тыс. чел. по переписям			
	1959 г.	1970 г.	1989 г.	2002 г.
Ненцы	22.8	28.5	34.2	41.3
Эвенки	24.7	25.1	30.0	35.5
Ханты	19.2	21.0	22.3	28.7
Эвены	9.0	11.8	17.1	19.1
Чукчи	11.7	13.5	15.1	15.8
Нанайцы	7.9	9.9	11.9	12.2
Манси	6.3	7.6	8.3	11.4
Коряки	6.2	7.4	8.9	8.7
Долганы	4.7	4.9	6.6	7.3
Нивхи	3.7	4.4	4.6	5.2
Селькупы	3.7	4.2	3.6	4.2
Ительмены	1.1	1.3	2.4	3.2
Ульчи	2.0	2.4	3.2	2.9
Саамы	1.8	1.8	1.8	2.0
Эскимосы	1.1	1.3	1.7	1.8
Удэгейцы	1.4	1.5	1.9	1.7
Юкагиры	0.4	0.6	1.1	1.5
Кеты	1.0	1.2	1.1	1.5
Чуванцы	...	...	1.4	1.1
Тофалары	0.6	0.6	0.7	0.8
Нганасаны	0.7	0.8	1.3	0.8
Орочи	0.8	1.0	0.9	0.7
Негидальцы	...	0.5	0.6	0.6
Алеуты	0.4	0.4	0.6	0.5
Ульта (ороки)	...	...	0.2	0.3
Энцы	...	...	0.2	0.2

ской горной системы, по образу жизни и характеру природопользования существенно отличаются от МСН.

В постсоветские годы несколькими правительственными постановлениями к официальному списку МСН было присоединено еще 14 этнических групп. В итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. попали лишь некоторые из них, например камчадалы, отделившиеся от ительменов, и сойоты, эмансипировавшиеся от тувинцев, а также кереки численностью 8 (!) чел. За этими новшествами видится определенное оживление внутринационального сепаратизма после высочайшего разрешения группам людей брать столько суверенитета, сколько они в состоянии «унести с собой». В последующих расчетах эти изменения не принимаются во внимание. Заметим, что более 10 % жителей России при переписи 2002 г. вообще отказалось назвать свою национальность.

Подробный анализ многолетней динамики численности МСН в целом и по каждому этносу в отдельности на двух территориальных уровнях (общероссийском и региональном по субъектам РФ) выполнен К. Б. Клоковым,

С. А. Хрущевым и Ю. А. Ступиным [15]. Здесь же я ограничусь выборкой из материалов четырех государственных переписей населения (табл. 1). Согласно переписи 1989 г., в России общая численность МСН составляла 181.5 тыс. чел., а к 2002 г. увеличилась до 209.0 тыс. чел., т. е. возросла на 15 %. В эти цифры вошли данные только по 26 этносам согласно первоначальному статусу МСН. Надо заметить, что далеко не весь рост произошел за счет естественного прироста, по-видимому, немалую роль сыграли конъюнктурные изменения самоидентификации и некоторые другие «внешние» факторы.

Географическая среда и ее влияние на расселение и на традиционный образ жизни МСН. Ареал расселения МСН занимает огромную территорию, примыкающую к берегам Северного Ледовитого океана от северной окраины Скандинавского полуострова до Берингова пролива. По мере продвижения с запада на восток этот ареал расширяется и на востоке выходит к берегам морей Тихого океана на протяжении 20° по широте — от мыса Дежнева до берегов Японского моря. Таким образом, ареал приобретает клинообразную форму, постепенно выклиниваясь с востока на запад. В Восточно-Европейском секторе Евразии к нему относится лишь неширокая полоса Субарктического пояса, включающего тундру и лесотундру; в Западно-Сибирском секторе он захватывает и северную полосу Бореального пояса с подзонами северной и средней тайги, а в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке охватывает всю таежную зону, в Приамурье вместе с подтайгой.

В ландшафтной структуре ареала МСН ясно прослеживается сочетание широтно-зональных и долготно-секторных закономерностей дифференциации ландшафтной сферы Земли. Описанная конфигурация ареала находится в полном соответствии с нарастанием степени континентальности климата, суровости зимы, усилением криогенных процессов в почвогрунтах и сопутствующими явлениями в органическом мире, а также в жизни и деятельности человека.

Вся эта территория, занимающая примерно 10 млн км² (т. е. около 60 % площади России), в общих чертах соответствует области распространения многолетней мерзлоты (криолитозоны) и, что следует особо подчеркнуть, внеземледельческой части континента. Здесь, как правило, земледелие в открытом грунте невозможно, если не считать редких локальных местоположений на южной окраине. Ареал МСН можно характеризовать как область низкого и очень низкого экологического потенциала ландшафтов, на севере находящуюся на грани экологического экстремума [13].

Отмеченные особенности географической среды области распространения МСН находят достаточно ясное отражение в крайне слабой заселенности территории. По данным переписи 1989 г., когда численность населения страны приблизилась к своему историческому максимуму, здесь проживало около 8 млн чел., т. е. менее 6 % всего населения страны. Средняя плотность населения составила 0.8 чел./км², а если исключить наиболее заселенные «индустриальные углы» — Кольский полуостров на северо-западе и Нижнеамурскую подтайгу на юго-востоке, то около 0.6 чел./км². При этом доля коренного населения МСН в его общей численности составляет лишь 2.5 %; так что его «парциальная плотность» равна 20 чел. на 1000 км². Иначе говоря, на одного коренного жителя из МСН приходится 50 км² площади. Расселение МСН имеет преимущественно дисперсный характер. За последние три столетия они расселились среди пришлого населения, в котором преобладали русские.

Феноменальная щедрость природы в отношении жизненного пространства имеет своей обратной стороной чрезвычайную скупость по части необходи-

мых ресурсов жизнеобеспечения человеческих популяций. Для объективной сравнительной оценки способности ландшафта обеспечивать народонаселение первичными средствами существования были предложены два количественных показателя — продовольственно-ресурсный потенциал (ПРП) и экологическая емкость ландшафта (ЭЕЛ) [13]. Под ПРП подразумевается та часть ежегодно возобновляемой биологической продукции ландшафта, которая может служить источником питания для населения, выраженная в энергетическом эквиваленте. ЭЕЛ представляет собой отношение ПРП к средней оптимальной потребности одного человека в продуктах питания. Она соответствует некоторой экологически обеспеченной для данного ландшафта плотности населения. Таким образом, ЭЕЛ можно трактовать и как демографическую емкость ландшафта.

При расчетах ЭЕЛ необходимо учитывать два существенных обстоятельства. Во-первых, следует иметь в виду, что потребность человека в продуктах питания варьирует в широком диапазоне в зависимости от возрастных, профессиональных и многих иных различий, причем в данном случае особенно важно учитывать увеличение потребности в энергетическом содержании продуктов питания по мере перехода от экваториальных широт в полярные. Второе важное обстоятельство состоит в том, что человек в процессе исторического развития научился повышать продуктивную отдачу ландшафта и, следовательно, ПРП. В земледельческих регионах величина ПРП неизмеримо возросла, и практически во многих случаях он полностью определяется продуктивностью сельского хозяйства. Однако там, где земледелие невозможно, человек может рассчитывать лишь на «подножный корм», т. е. на дикорастущую флору и в особенности на местную фауну.

К сожалению, методика расчетов ПРП внеземледельческих территорий не разработана, и существующие расчеты ЭЕЛ [13] относятся к странам с более или менее развитым земледелием. Полученные результаты по ряду зарубежных стран, по субъектам Федерации и ландшафтным провинциям России достаточно четко отражают широтно-зональную закономерность, на фоне которой выделяются страны или районы с высоким научно-техническим уровнем агропроизводства. Так, если принять величину ПРП ландшафтов Кубанской предсубтропической степи (Краснодарский край) за 100, то в среднерусских степных и лесостепных ландшафтах она составляет 60—70, в зоне широколиственных лесов 30—40, в подтайге 15—20, в южной тайге она местами снижается до 5, а в средней тайге постепенно сходится на нет. Напомним, что в этих цифрах учитывается только продуктивность обрабатываемых площадей, и использованная методика практически неприменима к ареалу МСН.

Однако в первом приближении универсальным индикатором различий в ЭЕЛ земледельческих и внеземледельческих территорий может служить плотность сельского населения. Согласно данным переписи населения 1989 г., пересчитанным по ландшафтным макрорегионам и провинциям, плотность сельского населения достигала своего максимума — 31 чел./км² — в кубанских степных ландшафтах, т. е. там же, где и максимальная расчетная величина ЭЕЛ. В восточноевропейских лесостепных и широколиственно-лесных ландшафтах она снижается до 14.7, в подтаежных — до 10.4, в южнотаежных — до 5.1, в среднетаежных — до 0.6 чел./км². В Азиатской России все широтные величины значительно ниже, в тайге они редко превышают 0.1 чел./км². Если исключить из расчетов подтаежные ландшафты Нижнего Приамурья, то средняя плотность сельского населения ареала МСН составит 0.12 чел./км²,

а в большинстве районов Средней и Восточной Сибири она не достигает 0.01 чел./км².

Примечательно, что в пределах ареала МСН сельское население по численности существенно уступает городскому: на последнее приходится 82 % всего населения, что типично для промышленно развитых стран. Но в действительности это служит лишним доказательством крайне низкого уровня ЭЕЛ. Городское население (да и значительная часть сельского) существует здесь практически за счет привозных продуктов питания. Надо заметить, что в составе населения МСН это соотношение имеет иной характер: в 1989 г. в городских поселениях проживало лишь 25.8 % его численности. Хотя в последующие годы наметилась тенденция к увеличению этой цифры (в 2002 г. до 28.7 %), приведенные соотношения соответствуют ситуации, когда экономика зиждется на эксплуатации минеральных ресурсов и в ней занято в основном пришлое городское население; традиционное хозяйство коренных жителей, связанное с использованием естественных биологических ресурсов, имеет второстепенное значение.

На юге непосредственными соседями МСН-таежников являются коренные обитатели степных ландшафтов — немногочисленные по числу этносов, но на 1—2 порядка более многочисленные, чем МСН, по числу представителей. Между этими двумя географическими группами народов существуют реальные контрасты не только в численности населения, но и в характере природопользования и образе жизни, за которыми стоят различия в «кормящих» ландшафтах, в их ПРП и ЭЕЛ. Так, плотность сельского населения в Селенгинской ландшафтной провинции, основном ареале бурятов, составляет 3.4 чел./км², в Тувинской провинции, заселенной одноименным народом, — 7.1 чел./км², в Абаканской (родине хакасов) — 9.2 чел./км². Эти цифры соразмерны с аналогичными величинами для южной тайги и подтайги Европейской России (данные на 1989 г.). По размерам ПРП и ЭЕЛ степные ландшафты Южной Сибири опережают большинство южнотаежных областей Европейской России, в том числе Ленинградскую, Новгородскую, Вологодскую, а экологически обеспеченная плотность населения в них даже несколько выше фактической. Традиционное природопользование основано на естественной продуктивности степной растительности, позволяющей разводить крупный рогатый скот, овец, лошадей, а у тувинцев также верблюдов и яков. Кроме того, частичная распашка степей привела к внедрению земледелия, в том числе возделывания зерновых (в этом сказалось влияние русских переселенцев).

Расселение в пределах ареала МСН единственного далеко не малочисленного коренного народа — якутов (саха) — не противоречит отмеченным выше закономерностям. Якуты пришли с юга в Восточносибирский среднетаежный регион, по-видимому, в конце I—начале II тысячелетия н. э. На Лено-Виллюйской равнине они нашли «экологическую нишу», отвечающую их традиционным занятиям — полукочевому скотоводству степного типа (рогатый скот, лошади). Лено-Виллюйская впадина — своего рода ландшафтная аномалия и «интразональный оазис» в средней тайге. Хотя эта территория относится к области наивысшей континентальности климата на Земле, где годовая амплитуда средних месячных температур превышает 60 °С, лето здесь не только самое теплое для средней тайги, но даже теплее, чем в южной тайге ЕТР. Средняя температура воздуха в июле составляет в Якутске 18.7 °С, тогда как в южнотаежных Санкт-Петербурге и Вологде соответственно 17.8 и 17.2 °С. Даже в Москве, расположенной в подтаежной зоне и значительно южнее Якутска, она равна

лишь 18.1 °С. В то же время атмосферное увлажнение в Центральной Якутии типичное не для таежной зоны, а для степной. Годовое количество осадков здесь близко к 250 мм, что более чем в 2 раза ниже годовой испаряемости. Отсюда естественно, что в ландшафтах наблюдаются признаки остепнения.

Лено-Вилуйская равнина — единственный заметный очаг земледелия в пределах внеземледельческого пояса Евразии. Плотность населения, как всего (2.4 чел./км²), так и сельского (1.0), во много раз выше средней для тайги Восточной Сибири. На площади, составляющей 6.6 % территории Республики Саха (Якутия), размещается 46 % всего населения республики и 59 % сельского. Якуты проживают совместно с русскими, кроме них здесь живут украинцы, белорусы, татары, 2—3 % приходится на МСН. На основе традиционного природопользования якутов в Центральной Якутии развивается главным образом молочно-мясное животноводство, также коневодство. За время контакта с русскими переселенцами якуты восприняли навыки земледелия. В настоящее время важное место в экономике Лено-Вилуйской равнины занимает возделывание зерновых (пшеница, ячмень, овес) и кормовых культур, картофеля, овощей. Обосновавшись в Центральной Якутии, якуты постепенно распространились почти по всей Восточной Сибири, где они контактируют с русским населением, а также с коренными эвенками, эвенами, долганами, юкагирами.

Интерес к географическому фактору никогда не был чужд российским и советским этнографам. Последовательное применение географического подхода привело к формированию учения о *хозяйственно-культурных типах* народов (ХКТ). Под ХКТ подразумевается исторически сложившаяся общность хозяйства и культуры различных по происхождению народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных природных условиях ([²], с. 45). В 1972 г. Б. В. Андрианов и Н. Н. Чебоксаров, ратовавшие за картографирование ХКТ, выделили в мире 30 типов, объединенных в 8 групп. Позднее Б. В. Андрианов и А. Г. Доскач [¹] предложили несколько более упрощенную классификацию из 14 типов, объединенных в 4 группы, соответствующие основным историческим стадиям развития природопользования: I) охотники, собиратели, рыболовы; II) мотыжное земледелие и скотоводство; III) плужное земледелие и скотоводство; IV) трансформированные ХКТ нового времени. Под № 6 выделены оленеводы и охотники холодного пояса (Евразийской Субарктики и северной тайги Сибири), которые в общих чертах соответствуют МСН. Однако они рассматриваются в числе ХКТ, переходных от первой группы ко второй, что представляется не вполне убедительным, ибо признаки перехода к мотыжному земледелию у этих народов отсутствуют. В упомянутой выше более ранней работе [²] МСН оказались разделенными на 5 ХКТ. Обе классификации не противоречат одна другой; различие состоит в степени обобщения и уровне детальности классификации. Географический подход здесь явно присутствует, и выделенные ХКТ с не меньшим основанием можно именовать *географическими типами* этносов.

Географическая классификация народов может строиться на разных иерархических уровнях. МСН следует рассматривать как единую группу с наличием определенных общих признаков в географических условиях, в природопользовании, хозяйстве и культуре. О специфике географической среды кратко говорилось выше. Ее главная отличительная особенность — лимитирующее значение для развития земледелия. Поэтому МСН в отличие от всех других народов, обитающих в условиях более высокой теплообеспеченности, «застряли» на

стадии присваивающего природопользования, тогда как многие древние народы прошли все три стадии доиндустриальной цивилизации. Экстремальная аридность в отличие от экстремального дефицита тепла не явилась препятствием для перехода от охоты и собирательства к современным индустриальным формам земледелия и скотоводства. Практически полное отсутствие влаги локально преодолевалось использованием стока транзитных рек или искусственной переброски стока из гумидных ландшафтов. Однако человечество еще не научилось перераспределять тепловую энергию между ландшафтами в размерах, достаточных для трансформации ХКТ *in situ*. В этом смысле цивилизация МСН оказалась в тупиковой ситуации, если говорить о перспективах ее автохтонного развития. Принято считать оленеводство как бы высшей ступенью в системах природопользования и ХКТ северных народов. Но по своему существу приручение северного оленя не вывело ХКТ из категории присваивающего природопользования, так как оленеводство основано полностью на естественных первичных биологических ресурсах и неспособно искусственно увеличить воспроизводство кормовой базы для оленя.

О хозяйстве, образе жизни, культуре МСН написано уже немало российскими путешественниками, географами, этнографами. Все МСН характеризуются высокой степенью адаптированности к экологической и ресурсной специфике природной среды. Это находит свое выражение в характере хозяйства, в особенностях повседневного быта, в материальной культуре, в кочевом или полукочевом образе жизни, в питании (практически состоящем из продуктов животного происхождения), в использовании животных материалов для шитья одежды, постройки жилищ и т. д. Способности МСН ориентироваться в пространстве и эмпирическому знанию природы «кормящих» ландшафтов — от признаков перемены погоды до повадок зверей и птиц — могли бы позавидовать ученые-географы и биологи. Практически ни одна из известных научных экспедиций в тундру или тайгу не обходилась без проводников из коренного населения. Многие из этих знаний переняли русские переселенцы.

При подробном изучении хозяйства, быта и культуры МСН можно выделить ХКТ, или географические группы, второго и третьего порядков. Прежде всего различаются два зональные подразделения — субарктическое и таежное. Экономическая основа жизни коренных обитателей тундры и лесотундры — кочевое оленеводство; вспомогательное значение имеют охота и рыболовство. Весь уклад жизни ненцев, а также саамов, нганасанов, многих чукчей, коряков и некоторых других МСН зависит от домашнего оленя — символа достатка и благополучия. Однако в Дальневосточной Субарктике в традиционном природопользовании нередко на передний план выступает охота на морского зверя. Типичные представители этого типа ХКТ — полуоседлые или даже оседлые эскимосы, алеуты и так называемые береговые (приморские) чукчи и коряки. Наиболее типичная форма традиционного таежного природопользования — охота на мясного и пушного зверя, в большей или меньшей степени сочетающаяся с рыболовством и транспортным оленеводством. Наиболее распространенные представители этого ХКТ, или географического типа, — кочевые эвены. Сюда же можно отнести эвенов, ульчей, негидальцев. Но в некоторых регионах тайги, особенно в речных бассейнах Оби, нижнего Амура, на передний план в традиционных занятиях выдвигается рыболовство. К этой группе можно отнести хантов, манси, южную группу селькупов, нанайцев. У некоторых коренных народов юга Дальнего Востока (нивхов, орочей) рыболовство сочетается с охотой на морского зверя.

Этноландшафтное районирование ареала МСН. Обширный ареал МСН складывается из множества (не менее 26) ареалов отдельных этносов, которые образуют сложные территориальные сочетания, в значительной мере перекрываясь между собой. Среди них мы встречаем обширные размытые ареалы с дисперсным размещением представителей данного этноса; типичнейший пример — область распространения эвенков. Но многие коренные народы сосредоточены на небольших территориях и образуют относительно компактные локальные ареалы, состоящие из немногих поселений (саамы, энцы, нганасаны, эскимосы, алеуты, тофалары и др.). Известны «разорванные» ареалы (например, селькупов). В пределах общего ареала МСН можно выделить моноэтнические регионы с абсолютным господством численности какого-либо одного этноса (например, ненцев, эвенков, хантов, манси), но известны полиэтнические регионы, где уживаются несколько этносов с перекрывающимися ареалами. В этом отношении особенно выделяется область Нижнего Приамурья.

Все сказанное определяет сложность территориальной структуры ареала МСН и необходимость регионального географического подхода как при научном изучении этноландшафтных связей, так и в практике государственной национальной политики. Можно считать, что попытка официальной реализации этого подхода (хотя он так не назывался) была предпринята в 1929—1930 гг., когда в системе административно-территориального деления СССР было выделено 7 национальных (впоследствии автономных) округов. Они охватили территорию площадью 4116 тыс. км² (24 % площади Российской Федерации). В 1989 г. в них проживало 2115,5 тыс. чел. (1,4 % населения РФ). В состав территории этих округов вошло примерно 40 % площади ареала МСН, а в число «титulyных» коренных народов лишь 7 относительно наиболее многочисленных: ненцы, эвенки, ханты, манси, чукчи, коряки и долганы. Большинство «титulyных» народов сосредоточено в «своих» автономных округах, но в бывшем Эвенкийском АО проживает лишь около 12 % всех эвенков; значительная часть хантов обитает в Ямало-Ненецком АО, долганов — в Якутии. Но кроме «титulyных» народов в большинстве АО присутствуют представители других МСН. Общая доля МСН в численности населения всех автономий составляла в 1989 г. 4,4 %, в 2002 г. увеличилась до 5,4. На долю автономий в 1989 г. приходилось 52 % всей численности МСН, в 2002 г. — 54 %.

Таким образом, почти половина населения МСН расселена вне автономий — на территории 16 других субъектов РФ. Эти обстоятельства существенно снижают функцию АО как операционных территориальных единиц при изучении МСН и связанных с ними проблем. К сказанному следует добавить заметные территориальные несоответствия между АО и ландшафтными регионами. Так, если Ханты-Мансийский и бывший Эвенкийский АО можно считать практически полностью принадлежащими таежной зоне (первый на 94 и второй на 91 %), а Ненецкий АО — к Субарктике, то в бывшем Корякском АО к Субарктике относится 82 % площади, в Чукотском — 77, а в Ямало-Ненецком — 57 % (остальное принадлежит тайге).

В советской этнографии одновременно с понятием ХКТ стало развиваться представление об историко-этнографическом районировании, предполагающее систему территориальных этнических общностей разных таксономических уровней — зон, провинций, областей. Эти регионы объединяют разные этносы, исторически сложившиеся в определенных физико-географических условиях и имеющие много общего в хозяйстве, культуре и т. д. Примером может служить Кавказ, где проживает около 50 разных народов. Большой интерес

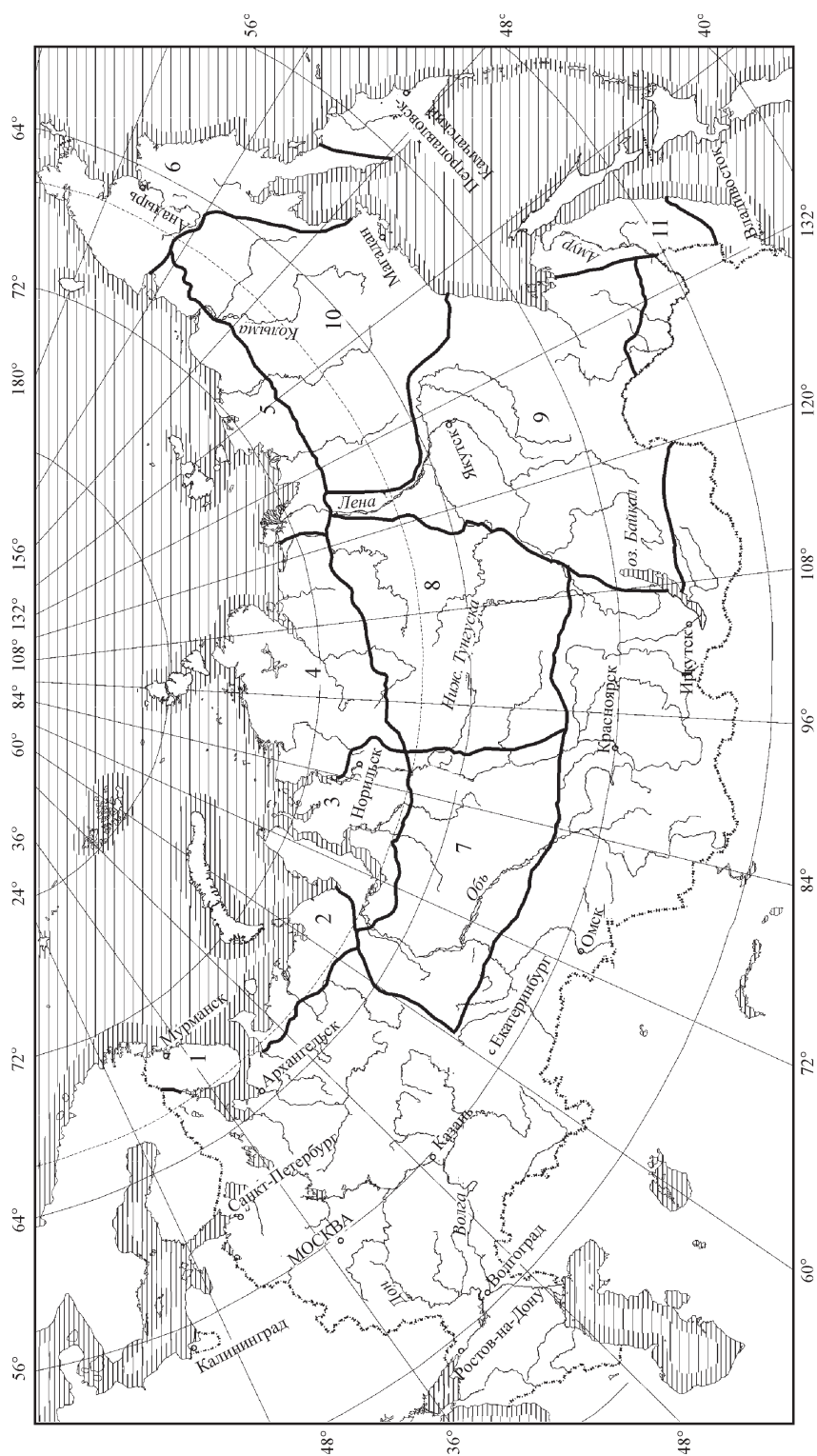
представляет историко-этническое районирование Африки и Южной Азии, выполненное Б. В. Андриановым и Н. Н. Чебоксаровым [3]. К сожалению, насколько известно, аналогичного районирования для территории России не существует.

Историко-этнические регионы во многих случаях близко соответствуют ландшафтным, что позволяет разработать этническое районирование ареала МСН на ландшафтной основе, т. е. по существу своего рода этноландшафтное районирование. Подобный подход был апробирован автором при изучении географических закономерностей в различных явлениях общественного характера — демографических, агропроизводственных и др. Примером может служить опыт агроландшафтного районирования России и Африки [13]. Сущность этноландшафтного районирования как научно-исследовательского процесса сводится к анализу этнографической информации по системе ландшафтных регионов как операционных территориальных единиц. Основой для этого служат материалы переписей населения, которые пересчитываются в границах ландшафтных регионов. Дополнительно привлекаются специальная литература и этнографические карты. До сих пор не потерял научного значения Атлас народов мира, изданный почти полвека тому назад [5], хотя его карты составлены в очень мелких масштабах. Труднее назвать более детальные картографические источники для отдельных регионов; редкие исключения — этнографические карты в атласах Якутии [7] и Хабаровского края [6]. Нет нужды говорить о роли непосредственного общения с населением и личных наблюдений. Но в этом отношении автор не обладает большим опытом, если не считать ландшафтных полевых исследований в Субарктике и некоторого знакомства с бытом ненцев и чукчей.

Как известно, районирование может осуществляться с разной детальностью, т. е. на разных таксономических уровнях. В данном случае может идти речь о региональных подразделениях достаточно высокого уровня, отвечающего ландшафтным макрорегионам, т. е. зонально-секторным регионам первого порядка [13]. Из этого, однако, не следует, что этноландшафтное районирование механически повторяет собственно ландшафтное. В некоторых случаях приходится учитывать этнические контрасты, которые в ландшафтном районировании выявляются на уровне мезорегионов (ландшафтных провинций); в иных ситуациях, напротив, ландшафтная дифференциация высокого порядка (например, между северной и средней тайгой) относительно слабо проявляется в этнической структуре. В подобных случаях этноландшафтный макрорегион может объединять два собственно ландшафтных. В конечном счете предлагаемая ниже схема (см. рисунок) включает 11 этноландшафтных регионов первого порядка. В табл. 2 приведены основные статистические данные.¹ Помещаемые ниже описания регионов по необходимости очень кратки, практически конспективны. От характеристики природной среды пришлось отказаться. Ее можно найти в других работах автора [10, 11].

1. Кольский Субарктический регион. На Кольский полуостров заходит восточная периферия изолированного ареала саамов, основная часть которого расположена на субарктической окраине Финляндии, Швеции и Норвегии, известной под названием Лапландия. На всей этой территории проживает около 30 тыс. саамов, из которых лишь около 2 тыс. — в России. В прошлом

¹ Расчетные показатели в этой таблице, как и все последующие, основаны на официальных данных переписей населения с использованием материалов, содержащихся в сводке [15].

Этноландшафтное районирование ареала малочисленных северных народов.
Объяснения условных обозначений см. в тексте.

Таблица 2

Этноландшафтные регионы ареала малочисленных северных народов (МСН) России

	Площадь, тыс. км ²	Численность населения МСН			Этническая структура региона (в скобках численность населения, тыс. чел., первая цифра — на 1989 г., вторая — на 2002 г.)
		тыс. чел., 1989 г.	тыс. чел., 2002 г.	доля в населении региона, %, 1989 г.	
1. Кольский Субарктический	146	1.8	2.0	0.16	Саамы (1.6; 1.8), ненцы (0.2; 0.2)
2. Канинско-Печорский Субарктический	198	6.4	7.8	10.0	Ненцы (6.4; 7.8)
3. Западно-Сибирский Субарктический	561	27.8	34.5	5.2	Ненцы (23.0; 29.2), ханты (3.0; 3.7), долганы (1.5; 1.3), энцы (0.2; 0.2), эвенки (0.1; 0.1)
4. Среднесибирский Субарктический	1007	5.3	6.8	27	Долганы (4.3; 5.8), нганасаны (0.8; 0.8), эвенки (0.2; 0.2)
5. Восточно-Сибирский Субарктический	462	1.4	1.9	3	Эвенки (0.7; 0.9), эвены (0.5; 0.7), юкагиры (0.2; 0.3)
6. Дальневосточный Субарктический	762	28.5	30.2	15	Чукчи (14.5; 14.8), коряки (8.1; 8.3), ительмены (2.0; 2.9), эскимосы (1.5; 1.5), чуванцы (0.9; 0.9), эвены (0.8; 1.1), алеуты (0.4; 0.4), эвенки (0.2; 0.2)
7. Западно-Сибирский Северо- и Среднетаяжный	1144	31.7	41.5	1.7	Ханты (18.1; 23.9), манси (7.6; 10.9), селькупы (3.0; 3.7), ненцы (2.0; 1.8), кеты (0.8; 1.0), эвенки (0.2; 0.2)
8. Среднесибирский Северо- и Среднетаяжный	1549	8.0	9.0	4	Эвенки (7.2; 8.1), тофалары (0.6; 0.7), кеты (0.2; 0.2)
9. Восточно-Сибирский Среднетаяжный	2084	20.7	24.0	1.6	Эвенки (18.8; 22.7), эвены (1.9; 1.3)
10. Северо-Восточный Сибирский Северотаяжный	1474	13.8	17.2	2.7	Эвены (12.6; 15.6), юкагиры (0.8; 1.1), эвенки (0.3; 0.4), чуванцы (0.1; 0.1)
11. Дальневосточный Таежно-подтаяжный	360	22.5	24.1	1.3	Нанайцы (11.2; 11.6), нивхи (4.4; 5.0), ульчи (2.7; 2.7), удэгейцы (1.5; 1.8), эвенки (1.1; 1.2), орочи (0.7; 0.8), негидальцы (0.5; 0.5), ульта, или ороки (0.2; 0.3), эвены (0.2; 0.2)

ареал расселения этого народа распространялся на всю Северную Карелию, но постепенно саамы были оттеснены к северу русскими и карелами. Кольский полуостров — единственный регион их проживания в России. В данном случае здесь в качестве региона их расселения принята вся территория полуострова, практически соответствующая Мурманской области. По отношению ко всему населению этой территории саамы вместе с небольшим числом ненцев составляли в 1989 г. лишь 0.15 %. К 2002 г. в связи с общим сокращением численности населения страны и в том числе в Мурманской области эта доля повысилась до 0.22 %, но осталась самой низкой для этноландшафтных регионов всего ареала МСН.

Саамы — оленеводы, подсобное значение в их традиционном хозяйстве имеют охота и рыболовство. В советское время они частично перешли на оседлое молочное животноводство. По доле городского населения (42 % в 2002 г.) они вышли на одно из первых мест среди МСН.

2. Канинско-Печорский Субарктический регион соответствует Восточно-Европейскому сектору Субарктического пояса Евразии и вместе с тем западной периферии ареала ненцев. Сюда полностью входит Ненецкий АО, занимающий более 3/4 площади региона. Остальная часть его территории относится к Республике Коми. Коренное население практически полностью представлено ненцами, здесь сосредоточено 19 % их общей численности; на их долю приходится более 10 % всего населения региона (без учета Воркутинского округа). Между 1989 и 2002 гг. численность ненцев увеличилась на 22 %. Основа традиционного природопользования ненцев — кочевое оленеводство, которое в той или иной степени сочетается с охотой (в основном на песца) и рыболовством. Оленеводство в тундре имеет преимущественно мясошкурное направление, отчасти ездовое (упряжное). В качестве ездовых животных, а также для охраны оленьих стад используются собаки. Кочевые маршруты тундровых оленеводов и специфика их образа жизни определяются годовым циклом использования кормовой площади северного оленя. Летом стада выпасают на самых северных пастбищах, вблизи моря (где, кстати, людей и животных меньше беспокоит гнус), в переходные весенний и осенний сезоны олени пасутся на основной территории тундры, а на зиму стада отгоняют в лесотундру и даже в северную тайгу Архангельской области и Республики Коми. В то же время обширные площади пастбищ Ненецкого округа были отведены для хозяйств Архангельской области и Республики Коми [4].

3. Западно-Сибирский Субарктический регион расположен на северной окраине Западно-Сибирской равнины, примыкающей к Карскому морю почти полностью в границах Ямало-Ненецкого автономного округа. К этому региону относится 57 % площади последнего (остальная часть принадлежит северной тайге региона 7). Кроме того, в Западно-Сибирскую Субарктику входят западная (приенисейская) часть бывшего Таймырского АО и небольшая (также приенисейская) субарктическая окраина Красноярского края. Более обширную северную часть региона занимает крайне слабо заселенная тундра, с плотностью населения около 0.05 чел./км².

На долю коренного населения приходится около 5 % общей численности. В его составе доминируют ненцы (83—85 % от численности МСН региона). В этом регионе в 1989 г. проживало 67 % всех ненцев страны, а в 2002 г. — 71 %. За этот период их численность возросла здесь на 27 %. По условиям обитания и характеру природопользования западносибирская часть ареала ненцев составляет единое целое с его восточноевропейской частью (регион 2).

На юге данного региона проживают также ханты, основной ареал которых приурочен к таежному региону 7 (см. далее). В рассматриваемом регионе на их долю приходится около 11 % численности коренного населения.

В низовьях Енисея (относящихся к бывшему Таймырскому АО), где находится восточная окраина ареала ненцев, проживают также долганы и энцы (табл. 2). Первые определяют этническую структуру МСН Среднесибирского Субарктического региона 4, но в 1989 г. 23 % их численности приходилось на приенисейскую окраину региона 3. К 2002 г. эта доля сократилась до 18 %. Что касается энцев, то здесь расположен единственный, узко локальный ареал этой самой малочисленной группы МСН, близкой к ненцам; их основное традиционное занятие — оленеводство.

4. Среднесибирский Субарктический регион по размерам занимаемой площади — крупнейший среди ландшафтных макрорегионов Субарктики, но по численности и плотности населения находится на последнем месте в стране. Причиной этого служит географическое положение на крайнем северном выступе континента Евразия. Территория региона включает Таймырский полуостров и прилегающую к нему с юга Северо-Сибирскую низменность. Сюда входит 87 % площади бывшего Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа, но на ней проживает менее половины его населения. Кроме того, в границы региона входят относительно небольшие и малообжитые периферийные районы Республики Саха (Якутия) и бывшего Эвенкийского АО. Общая численность населения — порядка 20 тыс. чел., что соответствует плотности 0.02 чел./км². Доля коренного населения — 27 % (1989 г.) — одна из самых высоких в стране, но по абсолютной величине — одна из самых низких (табл. 2). Этническая специфика региона определяется приуроченностью к нему ареалов долганов и нганасанов. Первые расселены в лесотундровой зоне, преимущественно в бассейне Хатанги. Как особая народность долганы сложились лишь в XIX—XX вв. в результате смешения якутов с эвенками, энцами и др. Их традиционное природопользование связано с охотой, оленеводством и рыболовством. Нганасаны обитают в тундре Таймыра; по характеру природопользования (олeneводство в сочетании с охотой и рыболовством) они типичные коренные жители тундры.

5. Восточно-Сибирский Субарктический регион протягивается вдоль берегов моря Лаптевых от устья Оленека до устья Колымы в пределах Республики Саха (Якутия), занимая 13 % ее площади. Общая плотность населения здесь выше, чем в предыдущем регионе, но все же невысока — 0.1 чел./км². Коренное население представлено в основном якутами, и на долю МСН приходится лишь не более 3—4 %. Надо заметить, что точная количественная оценка затрудняется нечеткостью границ между данным регионом и смежным Северо-Восточным Сибирским Северотаежным (регион 10) и обширностью административных районов. Территории последних включают как субарктические ландшафты, так и таежные. Этническая структура данного региона близка к таковой для смежного таежного. МСН представлены эвенками (главным образом в низовьях Лены), эвенками и юкагирами. Ориентировочная оценка их численности представлена в табл. 2. По характеру традиционных занятий и образу жизни они сходны со своими соседями из региона 10.

6. Дальневосточный Субарктический регион занимает северо-восточный выступ Евразии, выходящий к Северному Ледовитому и Тихому океанам. Здесь расположена большая часть (около 70 %) территории Чукотского АО и почти вся территория бывшего Корякского АО, а также сопредельные

районы Магаданской области и Камчатского края. Среди субарктических регионов данный выделяется полиэтничностью, т. е. значительным разнообразием национального состава МСН. По численности преобладают чукчи (около 50 %), за ними следуют коряки (около 28 %). В 2002 г. здесь обитало около 95 % всего чукотского и корякского населения страны. Кроме них проживают ительмены, эскимосы, чуванцы, эвены, алеуты, эвенки (табл. 2). По участию коренного населения в общей численности Дальневосточная Субарктика к 2002 г. вышла на первое место среди этноландшафтных регионов страны. И хотя за период 1989—2002 гг. численность МСН увеличилась не более чем на 5—6 %, его доля существенно возросла за счет интенсивного оттока населения в западные районы страны. В Чукотском АО эта доля увеличилась с 10 до 31 %, в Корякском АО с 25 до 40 %.

Специфика географического положения и ландшафтной структуры региона обуславливает некоторые отличительные особенности традиционного природопользования. Протяженная береговая линия морей Тихоокеанского бассейна с многочисленными заливами и бухтами издревле способствовала развитию «берегового», или приморского, способа жизнеобеспечения, основанного на добыче морского зверя. В то же время преобладание горного рельефа с обширными площадями гольцов ограничивало возможности оленеводства. В результате могло сложиться своего рода разделение труда между жителями внутриконтинентальных и приморских районов в рамках единого этноса. Как среди чукчей, так и среди коряков различаются 2 группы: 1) береговые — оседлые, занимающиеся охотой на морского зверя, а также рыболовством, и 2) оленные, т. е. кочующие в тундре оленеводы.

На Чукотском полуострове в узкой приморской полосе обитают эскимосы, потомки древнейших обитателей арктической окраины Северной Америки. Здесь проходит западная граница их ареала. В течение нескольких тысячелетий этот народ, создавший самобытную материальную культуру, существовал исключительно за счет биологических ресурсов океана. К эскимосам близки алеуты, основной ареал которых находится на Алеутских островах. Единственный район их обитания в России с базой зверобойного промысла — Командорские острова. Ительмены — потомки коренных жителей камчатки. Их ареал занимает небольшую площадь на западном побережье полуострова. Традиционные занятия — рыболовство и охота; с середины XVIII в. стали переходить к огородничеству и скотоводству. В верхней части бассейна р. Анадырь обитают чуванцы, которых часто включали в состав чукчей, хотя они происходят из юкагиров, но в значительной степени ассимилированы чукчами. По характеру природопользования чуванцы — типичные обитатели Субарктики.

7. Западно-Сибирский Северо- и Среднетаежный регион занимает почти половину площади Западно-Сибирской равнины в основном в бассейне Оби. Здесь размещается почти вся (97 %) территория Ханты-Мансийского АО и 43 % (южная часть) Ямало-Ненецкого АО, а кроме того, значительные площади Свердловской, Томской, Тюменской областей и Красноярского края. По численности населения (около 2 млн чел.) регион занимает первое место в ареале МСН, а по его плотности (1,7 чел./км²) уступает лишь Кольскому и Приамурскому регионам. Однако доля коренных жителей здесь одна из самых низких — 1,7 % в 1989 г. Между 1989 и 2002 гг. численность коренного населения возросла на 30 % и по темпам роста она обгоняла увеличение всего населения, так что доля МСН за это время заметно возросла: в Ханты-Мансийском АО с 1,5 до 2,0 %, а в целом по региону рост составил примерно 20 %.

В этнической структуре коренного населения первое место принадлежит хантам (58 % от общей численности МСН), второе — манси (26 %). Здесь проживает 83 % общей численности первых и 96 % — вторых. Ханты распространены вдоль Оби и ее притоков, в том числе Иртыша. Для их традиционных занятий особенно типично рыболовство, отчасти охота, а в северной тайге также оленеводство. На юге ареала ханты постепенно приобщились к земледелию (главным образом овощеводству). Манси обитают в основном по нижнему течению Оби и ее левым притокам, частично на территории Свердловской области. По характеру традиционного природопользования, типичного для коренных обитателей тайги, они близки к хантам. Третье место по численности принадлежит селькупам, среди которых различаются две разобщенные группы. Южные («нарымские») селькупы обитают в среднетаежной части Томской области, по притокам Оби (Кеть, Тым) и по роду традиционных занятий — рыболовство и охота — типичные обитатели тайги. Северная группа сосредоточена в северотаежной части Ямало-Ненецкого округа (долины Таза и Турухана) и к основному типу их природопользования прибавляется оленеводство. На восточной окраине региона по долине Енисея выше Туруханска расположен ареал обитания кетов — рыболовов и охотников на пушного зверя и дикого оленя; на севере ареала за последние столетия они частично перешли к оленеводству.

8. Среднесибирский Северо- и Среднетаежный регион охватывает территорию к востоку от Енисея площадью 1.5 млн км², в основном совпадающую со Среднесибирским плоскогорьем. Несколько более половины площади относится к бывшему Эвенкийскому АО, остальная распределяется между Республикой Саха (Якутия), Иркутской областью и Красноярским краем. Регион — один из наименее населенных в стране. Здесь проживают около 200 тыс. чел., средняя плотность населения 0.13 чел./км², а в северотаежной части — 0.05 чел./км². Коренное население представлено почти исключительно эвенками; вся территория соответствует западной части их ареала, уходящего далее на восток. Расселение эвенков имеет крайне дисперсный характер; на одного человека приходится почти 200 км² территории. Традиционные занятия эвенков — типичные для коренного населения тайги: охота на мясного и пушного зверя, рыболовство, а в северной тайге также оленеводство транспортного направления.

К югу от описанного региона в отрыве от основного ареала коренных северных народов на небольшой территории в предгорьях Восточного Саяна (в верховьях рр. Уда, Бирюса, Ия) проживают тофалары — один из самых малочисленных этносов (менее 1 тыс. чел.), родственные тувинцам. В прошлом — таежные кочевые оленеводы и охотники на пушного зверя. В последние десятилетия перешли на оседлое звероводство и земледелие.

9. Восточно-Сибирский Среднетаежный регион — самый обширный из рассматриваемых. Он занимает более 2 млн км² в крайне континентальной части Евразии и характеризуется существенными внутренними различиями, связанными с орографическими контрастами. В центральной его части расположена Лено-Вилуйская впадина, ранее уже упоминавшаяся, относительно благоприятная для освоения. На севере к этому региону условно присоединена часть Нижнеленской низменности, относящаяся к подзоне северной тайги. На юге и востоке господствуют горные ландшафты. Почти вся территория региона лежит в бассейне Лены. В административном отношении половина территории входит в состав Республики Саха (Якутия), остальная распре-

ляется между Республикой Бурятия, Забайкальским, Хабаровским краями и Амурской областью.

Население распределено по территории неравномерно. При средней плотности 0,6 чел./км² на Лено-Виллюйской равнине она составляет 2,4 чел./км², а в горных районах опускается до 0,1 чел./км² и ниже. В составе коренного населения преобладают якуты, по численности уступающие только русским. На долю МСН приходится лишь 1,6 % от всего населения. Доминируют эвенки. Здесь находится основная, восточная часть их ареала, простирающегося до берегов Охотского моря. На эту часть ареала приходится 64 % всей численности эвенков. С 1989 по 2002 г. их численность в регионе увеличилась на 12 %. Традиционный образ жизни этого народа здесь имеет тот же характер, что и в предыдущем регионе 8.

10. Северо-Восто́чно-Сиби́рский Северо́таежн́ый регион в основном соответствует Верхояно-Колымской горной стране, бо́льшая часть которой расположена в пределах Республики Саха (Якутия). Кроме того, сюда входит более 80 % территории Магаданской области и около 25 % Чукотского АО. Крайняя суровость климата и недостаток удобных для освоения равнинных площадей обуславливают слабую заселенность (около 0,3 чел./км²). Среди коренного населения преобладают якуты. На долю МСН приходится менее 3 % общей численности; доминируют эвены, здесь находится основной ареал их расселения. Эвены близки к эвенкам и как бы замещают их за Верхоянским хребтом. По типу природопользования они также охотники и оленеводы, охотятся на мясного и пушного зверя, оленеводство у них имеет преимущественно транспортное направление, а у берегов Охотского моря занимаются рыболовством и зверобойным промыслом. По верхнему и среднему течению Колымы обитают юкагиры (в прошлом их ареал был значительно шире), занимающиеся оленеводством и охотой на дикого оленя, отчасти рыболовством.

11. Приа́мурский тае́жно-подтае́жный регион расположен на юге Дальнего Востока. Основная часть территории лежит в пределах Хабаровского края на Нижнеамурской низменности; северная часть относится к нерасчлененной средней и южной тайге, южная — к подтайге. Кроме того, сюда входят примыкающие участки на севере Сихотэ-Алиня, а также небольшая часть Уссурийской низменности в Приморском крае и отдельные районы на севере Сахалина. Территория неравномерно освоена; средняя плотность населения близка к 5 чел./км², но на подтаежной равнине она несколько более 20 чел./км², тогда как в таежной части Нижнеамурской низменности менее 1 чел./км², а на Сихотэ-Алине еще ниже.

Доля МСН в общей численности населения — 1,3 % — одна из самых низких в пределах их общероссийского ареала, однако по этнической структуре этот регион не имеет себе равных и может характеризоваться как полиэтнический (табл. 2). Большинство этносов типично только для этого региона, ареалы их расселения имеют небольшие размеры и в значительной степени перекрываются. Первое место по численности и площади основного ареала расселения занимают нанайцы, обитающие по нижнему течению Амура, Уссури и их притокам, заходя в Китай. Нанайцы — рыболовы и охотники, а также собиратели; за последние десятилетия некоторые из них перешли к земледелию. Второе место по общей численности занимают нивхи, обосновавшиеся в устье Амура, а также на соседнем Сахалине. Их традиционные занятия — рыболовство и морской зверобойный промысел, в настоящее время в значительной мере стали земледельцами и животноводами. По нижнему течению Амура обитают уль-

чи — охотники и рыболовы, близкие к эвенкам. Вдоль нижнего течения Амура и по его левому притоку Амгуни живут негидальцы — охотники и рыболовы, происходящие от смешения эвенков с нивхами, нанайцами и ульчами. В южной части региона, в предгорьях Сихотэ-Алиня распространены удэгейцы, занимающиеся охотой, рыболовством, сбором корней женьшеня; большей частью смешались с русскими и нанайцами. К удэгейцам близки орочи, проживающие у побережья Японского моря (в основном при устье р. Тумнин), их традиционные занятия — охота, рыболовство, морской зверобойный промысел. Небольшая (около 0,3 тыс. чел.) группа народности ульта (ороки) известна лишь на Сахалине. И на юге Хабаровского края, и на Сахалине можно встретить эвенков. Наиболее полную и точную картину расселения коренных народов Хабаровского края дает карта в атласе этого края [6], с. 25—26).

В сравнении с другими регионами на юге Дальнего Востока рост численности населения МСН в постсоветское время относительно невелик: около 7 %. Однако в сравнении с сокращением численности всего населения, достигшего в Хабаровском крае 26 % за последние 20 лет, эту цифру можно оценивать как значительную, хотя она существенно и не влияет на общую этническую структуру региона. Можно также отметить существенные различия в динамике численности отдельных народов. Так, численность нанайцев увеличилась лишь на 3,6 %, а у некоторых этносов (ульчи, негидальцы) наметилась тенденция к сокращению.

Исторические судьбы МСН и современные проблемы. В задачи этой статьи не входит обсуждение вопросов этногенеза МСН и истории их расселения по территории Сибири. Важно лишь иметь в виду, что к началу русской колонизации эти «иностранцы» были в полной мере коренными жителями огромной территории со сложившимся характером природопользования и их тогдашнее размещение в своих главных чертах сохранилось до настоящего времени.

Русские (новгородцы) впервые встретились с так называемой югрой (ханты и манси), а также с самоедами (ненцы) в конце XI—начале XII в. Ханты и манси, обитавшие в то время по обе стороны Северного Урала, были обложены данью (ясаком) и после упорного сопротивления к концу XV в. (когда Новгород уже вошел в состав Московского государства) были окончательно вытеснены за Урал. Еще в XIV в. новгородцы доходили до Оби, впоследствии здесь были основаны опорные пункты Московской Руси. Окончательное покорение всей Западной Сибири произошло в 80-е гг. XVI в. в результате разгрома Сибирского ханства. Опорными пунктами Москвы в этом регионе стали Тюмень (основана в 1586 г.) и Тобольск (1587 г.). В Смутное время продвижение на восток приостановилось, но вскоре возобновились казацкие экспедиции, охватившие всю Восточную Сибирь, вплоть до Берингова пролива и Охотского моря. В результате уже через полвека к России были присоединены земли эвенков (тунгусов), якутов, эвенов (ламуты), юкагиров и других коренных народов. Камчатка была присоединена к России на рубеже XVII и XVIII вв., а Приамурье и Уссурийский край — в 1858—1860 гг.

Колонизация Сибири не имела ничего общего с мирным процессом добровольного присоединения «иностранцев» к России. Еще 100 лет т. н. известный исследователь русской колонизации М. К. Любавский писал, что казацкие экспедиции в Сибирь предпринимались для грабежа и притом поощрялись правительством [17]. «Собирая ясак на государя, казаки не забывали при этом себя и брали с иностранцев второй ясак в свою пользу... и брали не одни только меха,

но и все, что понравится» ([¹⁷], с. 228). При царе Алексее Михайловиче (властвовал в 1645—1676 гг.) в царскую казну от сибирских мехов поступило 600 тыс. рублей, тогда как от торговых и промышленных пошлин разного рода лишь 500 тыс. рублей. Ежегодно из Сибири поступало 240 тыс. шкурок соболей, 10 тыс. черных лисиц, 500 тыс. белок. Хищническое истребление пушных зверей неминуемо приводило к истощению ресурсов «мягкого золота». К концу XVII в. соболь практически стал исчезать в западносибирской тайге и это заставляло усилить его истребление в Восточной Сибири.

В течение XVI—XVII вв. русское население в Сибири было представлено преимущественно служивыми людьми (казаки, «боярские дети») и сосредоточивалось в немногочисленных укрепленных пунктах и зимовьях. За служивыми людьми последовало духовенство и разного рода «вольный люд». Попытки правительства стимулировать переселение пашенных крестьян не дали существенных результатов и затронули лишь самые южные районы. Тем не менее этот процесс сопровождался оттеснением коренных жителей в глубь тайги. М. К. Любавский отметил, что коренные народы («инородцы») Сибири в XVI—XVII вв. были малочисленны и «жили вразброд по всему необъятному пространству», справедливо объясняя это тем, что они «занимались такими промыслами, какие не позволяли им скупиваться» ([¹⁷], с. 239). Автор заметил, что эти народы частью были истреблены служивыми русскими людьми. Сбор ясака нередко сопровождался сжиганием жилищ, избиением и убийствами аборигенов. Исключением из такого поведения не был и прославленный покоритель Камчатки Владимир Атласов. Между прочим, по его свидетельству, в конце XVII в. Камчатка была относительно густо заселена. С того времени ее коренное население уменьшилось во много раз. М. К. Любавский указывает еще одну специфическую причину вымирания сибирских «инородцев»: партии казаков «сплошь и рядом брали ясак бабами и девками, которых увозили с собой в свои острожки и зимовья. Инородцам приходилось в одиночестве заканчивать свое жалкое существование» ([¹⁷], с. 255).

В XVIII в. колонизация Сибири приобрела преимущественно принудительный характер: она осуществлялась в основном за счет разного рода ссыльных, это, естественно, не могло оказать позитивное влияние на коренное население. В XIX в. Сибирь оставалась местом ссылки, но постепенно (особенно после реформы 1861 г.) усиливалась миграция крестьян из перенаселенных малоземельных губерний Европейской России. Правительство вынуждено было поддерживать переселенцев. Крестьяне-земледельцы расселялись по южным — подтаежным и лесостепным — районам. В отдаленные места, населенные «инородцами», стали проникать торговцы, скупщики, промышленники; в своем общении с аборигенами они широко применяли обман и спаивание.

Нельзя, однако, отрицать, что общение с пришельцами и переселенцами имело для МСН и свои положительные стороны. Стали входить в употребление огнестрельное оружие при охоте, металлическая посуда и другие бытовые изделия, из пищевых продуктов — мука, соль, сахар, чай.

Бурные события, политические и социально-экономические перемены начала XX в. не могли пройти мимо МСН. Если верить переписям населения (материалы которых не вполне сопоставимы между собой [¹⁵]), численность МСН сократилась с 149,0 в 1897 г. до 124,6 тыс. чел. в 1926 г. Впоследствии она стала увеличиваться, со спадом в военные и послевоенные годы и дальнейшим более или менее устойчивым подъемом. Однако доля ее в общей численности населения Российской Федерации обнаруживает тенденцию к снижению и лишь в

постсоветский период несколько возросла на фоне общего демографического кризиса в стране (табл. 3).

Советское правительство предприняло ряд мер с целью поддержания традиционного хозяйства и улучшения условий жизни МСН. В 1929—1930 гг. были созданы национальные округа, о которых уже упоминалось, а также национальные районы. Началась организация крупных оленеводческих и промысловых хозяйств, налаживалось медицинское и ветеринарное обслуживание, обеспечение продовольственными продуктами и промтоварами и т. д. Входило в практику применение радиосвязи, самолетов, вертолетов, вездеходов. Для МСН было введено всеобщее среднее образование, появилась национальная интеллигенция, для более крупных этносов была разработана письменность. Нельзя не сказать о специализированных научных исследованиях в помощь традиционному природопользованию. В 1930-е гг. велись большие полевые исследования по оценке биологических ресурсов и инвентаризации оленьих пастбищ. Эти работы входили в задачи созданного Института оленеводства, в 1935 г. вошедшего в качестве одного из отделов в состав Арктического института. Отдел возглавлял один из выдающихся советских географов В. Б. Сочава. Ему принадлежит большой цикл работ 1931—1938 гг., всесторонне охватывающих различные аспекты оленеводства.

Осуществление государственной политики в отношении МСН не обошлось без ошибок и перегибов, но наиболее существенное негативное влияние на дальнейшую судьбу этих народов оказала индустриализация северных территорий страны, основанная на эксплуатации минеральных ресурсов. Начало этому процессу было положено в 1929 г. созданием рудников по добыче апатитов и нефелинов в Хибинах, но подлинный бум относится ко второй половине XX в. В 1953 г. началась эксплуатация Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции в пределах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. В 1942 г. было положено начало Норильскому горно-металлургическому комбинату на месторождениях никеля, меди, кобальта и других металлов. На Чукотке, где издавна были известны месторождения золота и других ценных металлов, с 1959 г. разрабатывается Иультинское месторождение олова и вольфрама, добываются также каменный и бурый угли. По масштабам производства и влиянию на природную среду, демографическую ситуацию и жизнь коренных народов с 1960-х гг. несомненно выделяется нефтегазоносный комплекс Субарктики и северной тайги Западной Сибири.

Освоение минеральных ресурсов вызвало наплыв пришлого населения. За 30 лет — с 1959 до 1989 г. — численность населения Ханты-Мансийского автономного округа увеличилась в 10.2 раза, Ямало-Ненецкого — в 7.8 раз. Довольно значительный рост (в 3.4 раза) пришелся на Чукотский АО (табл. 4). Максимум притока наблюдался в 1980-е гг. При этом рост городского населения происходил с опережающей быстротой, особенно в Ханты-Мансийском АО — в 34.4 раза за те же годы, а также в Ямало-Ненецком (в 13.4 раза). Рост сельского населения происходил несоизмеримо медленнее, составив от 2 % в Ненецком АО до 170 % в Ямало-Ненецком.

В течение рассматриваемого периода возникли крупные промышленные узлы и новые города, из которых наиболее значительные: Нижневартовск, Нефтеюганск, Новый Уренгой, Ноябрьск, а также Сургут, фактически вновь возникший на месте русского поселения XVI в., и Норильск. Последний расположен в пределах бывшего Таймырского АО, но официально всегда входил в состав Красноярского края.

Таблица 3
Динамика численности МСН и ее доли в населении Российской Федерации

	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Всё население РФ, тыс. чел.	67473	92735	108377	117534	130079	137551	147400	145181
В том числе МСН, тыс. чел.	149,0	124,6	140,1	130,1	151,3	155,7	181,5	209,0
Доля МСН, %	0,22	0,13	0,13	0,11	0,12	0,11	0,12	0,14

Таблица 4
Динамика численности населения автономных округов с 1959 по 2010 г.

Автономные округа	Численность всего населения						Численность городского населения							
	тыс. чел.			% к 1989 г.			тыс. чел.			% к 1989 г.			доля от всего населения, %	
	1959 г.	1989 г.	2002 г.	1959 г.	2010 г.	2002 г.	1959 г.	2002 г.	2010 г.	1959 г.	2002 г.	2010 г.	1959 г.	2010 г.
Ненецкий	36,9	54,8	41,5	67	78	16,8	16,8	34,3	26,2	49	76	84	46	67
Ямало-Ненецкий	62,3	486,2	507,4	13	104	21,8	21,8	378,6	423,2	6	112	117	35	85
Ханты-Мансийский	123,9	1268,4	1433,0	10	121	33,5	33,5	1152,8	1302,2	3	113	122	27	91
Таймырский*	33,4	55,1	39,8	61	62	20,2	20,2	36,8	26,4	55	72	62	60	66
Эвенкийский*	10,5	24,4	17,7	43	66	2,0	2,0	7,5	5,8	27	77	73	20	34
Чукотский	46,7	157,5	53,6	30	32	26,6	26,6	114,2	35,6	23	31	29	57	65
Корякский*	27,5	39,4	25,0	70	48	6,1	6,1	15,2	6,5	40	43	35	22	28

Примечание. * Не существуют как субъекты РФ с 2007 г.

Таблица 5

Динамика численности населения МСН по автономным округам с 1959 по 2002 г.

Автономные округа	Численность МСН, тыс. чел.			Доля от всего населения АО, %		
	1959 г.	1989 г.	2002 г.	1959 г.	1989 г.	2002 г.
Ненецкий	5.3	6.4	7.8	14.4	11.7	18.8
Ямало-Ненецкий	22.2	29.9	37.3	35.6	6.1	7.4
Ханты-Мансийский	18.4	19.7	28.3	14.8	1.6	2.0
Таймырский	6.2	8.2	9.6	18.6	14.9	24.1
Эвенкийский	3.2	3.7	4.0	30.5	15.2	22.6
Чукотский	13.5	15.9	16.7	28.4	10.1	31.2
Корякский	6.9	10.0	10.0	25.1	25.4	40.0

Высокий механический прирост всего населения привел к сокращению доли коренных жителей (табл. 5), особенно в высокоурбанизированных регионах Западной Сибири, а именно: в 9.3 раза в Ханты-Мансийском АО и в 5.8 раза в Ямало-Ненецком, а также почти в 3 раза в Чукотском. Это обстоятельство существенно изменило этнодемографическую ситуацию и социально-экологическую среду жизни большей части населения МСН. Следует отметить, что среди пришлого населения было немало людей, мягко говоря, с низкими морально-нравственными качествами. Такое окружение не могло благотворно влиять на физическое, психологическое и культурное состояние этнического меньшинства.

Существенным фактором ухудшения экологического состояния природной среды и условий ведения традиционного хозяйства МСН явилось резкое увеличение техногенной нагрузки на ландшафты, которые здесь отличаются слабой устойчивостью к таким нагрузкам. Вокруг локальных очагов техногенных выбросов — Норильского промузла, центров добычи нефти и газа на севере Западной Сибири, металлов на Чукотке и других возникли зоны химического загрязнения атмосферы, рек, озер, почв и деградации кормовых угодий. Системы трубопроводов явились существенным препятствием на путях сезонных миграций оленьих стад.

Небывалый демографический кризис, разразившийся в стране с начала 1990-х гг., особенно болезненно сказался на ее северных и восточных окраинах. Если в среднем для Российской Федерации численность населения сократилась к 2002 г. на 1.2 % по отношению к 1989 г., а в 2010 г. на 2.8 %, то в Мурманской области соответствующие сокращения составляют 23.3 и 31.7 %, в Хабаровском крае — 21.3 и 26.3, в Камчатском крае (без Корякского АО) — 22.7 и 25.5, в Сахалинской области — 23 и 30, в Магаданской области (без Чукотского АО) — 53.4 и 60.0 %. Из табл. 4 нетрудно заключить, что к этой же группе субъектов РФ относится большинство автономных округов. За указанные отрезки времени общая численность населения сократилась соответственно в Ненецком АО на 24 и 22 %, в бывшем Таймырском — на 28 и 38, в бывшем Эвенкийском — на 28 и 36, в бывшем Корякском — на 37 и 52, в Чукотском — на 66 и 68 %. Однако из этого перечня автономных округов резко выпадают Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий, одни из нескольких субъектов РФ, в которых численность населения в постсоветский период увеличилась. В первом из них — на 13 % к 2002 г. и на 21 % к 2010 г., во втором соответственно на 4 и 7 %. Этот рост нетрудно объяснить тем, что на фоне всеобщего экономи-

ческого кризиса и растущей безработицы нефтегазовый бум на севере Западной Сибири стал важнейшим центром притяжения трудовых ресурсов.

Из табл. 5 следует, что в постсоветские годы численность МСН во всех автономных округах продолжала увеличиваться и ее доля в общей численности населения автономий возросла с 4.4 в 1989 г. до 5.4 % в 2002 г. Это особенно заметно на Дальнем Востоке, где наблюдается наибольший отток некоренного населения. Однако такой рост не принес МСН каких-либо преимуществ, скорее сопровождался некоторыми прямыми или косвенными негативными последствиями в новых социально-экономических условиях.

Весь традиционный жизненный уклад МСН оказался несовместимым с рыночной системой и ее психологией, которая основана на жажде наживы, праве сильного и эгоизме предпринимателя. Экономический базис традиционного природопользования сильно сузился. Сократились площади кормовых угодий, произошло ухудшение их качества и условий использования. Если поголовье оленей в РФ увеличилось с 1.9 млн голов в 1941 г. до 2.4 млн в 1973 г., то к 1990 г. оно сократилось до 2261 тыс., а к 2000 г. до 1197 тыс. К 2006 г. поголовье возросло до 1446 тыс., но это произошло в основном за счет Западной Сибири и сопровождалось перевыпасом и снижением продуктивности пастбищ. В большинстве же других оленеводческих районов поголовье продолжало падать; так, в Чукотском АО с 491 тыс. голов в 1990 г. до 92.1 тыс. в 2000 г.

В поисках выхода из тяжелого материального положения многие коренные жители устремились в города. Согласно выборке данных из [15], в 2002 г. в городах проживало 28.7 % населения МСН. Наиболее высокая доля городского населения отмечена (в %) у негидальцев (56.7), манси (51.8), орочей (49.3), юкагиров (45.3), нивхов (43.1), саамов (42.6), удэгейцев (37.6), ительменов (37.5), хантов (34.6). Городской быт не типичен для МСН и вызывает ломку привычного образа жизни.

В научной литературе можно найти немало тревожных фактов, касающихся современного положения МСН. Назову некоторые из драматического перечня, приведенного И. Ю. Гладким [9]: высокая детская смертность и смертность от алкоголизма, увеличение числа матерей-одиночек и холостых мужчин, снижение средней продолжительности жизни (особенно у мужчин), забывается родной язык (более половины населения десяти народов считают родным языком русский), деградируют народные промыслы и ремесла, утрачиваются навыки выживания в условиях Крайнего Севера.

В энциклопедическом справочнике «География России» [8] каждый очерк о субъектах РФ заканчивается указанием количества личных автомобилей на 1000 жителей — очевидно, в качестве показателя уровня благосостояния населения. Оказывается, по этому показателю лидирует Ханты-Мансийский округ (140 на 1000 в 1995 г.), существенно обгоняя Московскую область (101.8) и Ленинградскую (89.3), не говоря уже о подавляющем большинстве других субъектов РФ. Мне неизвестно, сколько автомобилей находится в личном владении ненцев, хантов или манси, но вряд ли стоит строить иллюзии на этот счет. Ситуацию, при которой в богатейшем субъекте РФ коренное население оказалось на грани нищеты и деградации, следует расценивать не столько как парадоксальную, сколько позорную. Автономия при такой ситуации не выполняет своих функций и становится чистой фикцией.

Заключение. В последние годы наблюдается большой интерес ученых к проблемам жизнеобеспечения МСН и намечаются конструктивные подходы к их решению (см., например, [9, 14, 19]). В этих подходах можно усмотреть немало

общего, однако обнаруживаются и определенные расхождения. В центре внимания часто оказываются вопросы сохранения и защиты традиционной культуры. Однако традиционная культура — явление по существу вторичное, своего рода продукт исторически сложившегося природопользования в «кормящем ландшафте». Это обстоятельство следует, в частности, из суждений К. Б. Клокова [14]. Кроме того, культура — понятие достаточно широкое и многогранное, в котором далеко не все может заслуживать поощрения и сохранения, поэтому в каждом конкретном случае необходимо четко определить, что именно должно подлежать сохранению и защите.

Наиболее значительные достижения МСН связаны с адаптивным природопользованием в условиях тайги и Субарктики и относятся к материальной культуре (характер жилища, одежды, транспортных средств и т. д.). Однако с течением времени некоторые самобытные особенности этой культуры становятся тормозом для социально-экономического развития этноса. Традиционный кочевой или полукочевой образ жизни во многом архаичен, отсутствие письменности приводит к общей культурной отсталости, многие черты традиционного быта не соответствуют современным санитарно-гигиеническим требованиям и т. д.

В современную эпоху никакая традиционная культура не может быть изолирована от влияния иных цивилизаций, и в этом следует видеть залог ее дальнейшего обогащения. Для традиционной культуры МСН такое значение имеет несомненно контакт с русской культурой, и в особенности овладение русским языком и письменностью, открывающее путь к достижениям мировой культуры. Поэтому вряд ли верно рассматривать переход многих представителей МСН к общению на русском языке как негативный факт: это прежде всего государственный язык, но никто не препятствует МСН одновременно общаться на своем языке (как это сложилось во многих странах мира). Для сохранения и защиты традиционной культуры (точнее, ее позитивных качеств) первостепенным условием должно служить поддержание традиционного природопользования. Некоторые специалисты возлагают большие надежды на развитие этнического туризма как способа сохранения традиционной культуры и одновременно материальной поддержки МСН. Этот путь имеет перспективы для Нижнего Приамурья (Хабаровский край), где на небольшой площади сосредоточены поселения нескольких коренных этносов, притом вблизи от крупного города и краевого центра и относительно удобной транспортной связи [18]. Однако вряд ли можно рассчитывать на широкое развитие этнического туризма и рассматривать его как панацею для МСН.

Заботы о судьбе традиционной культуры — далеко не единственный довод в пользу поддержания исторически сложившейся системы природопользования МСН. Важнейшее преимущество этого типа природопользования и вместе с тем хозяйственно-культурного типа (ХКТ) состоит в том, что оно основано на использовании возобновляемых естественных ресурсов. Запасы ископаемого углеводородного топлива, как и многие другие ресурсы земных недр, рано или поздно иссякнут. Будущее экономики Севера составят отрасли, базирующиеся на использовании биологических и водных ресурсов — возобновимых и к тому же не дающих вредных отходов. Поэтому необходимо поддерживать преемственную передачу навыков традиционного природопользования МСН от поколения к поколению.

Государство обязано стимулировать заинтересованность коренного населения в развитии традиционных форм хозяйства путем осуществления матери-

альной поддержки (введение льгот, субсидий и т. п.) и социальной защиты от лихоимства предпринимателей и чиновников, а также от браконьеров и др. Но особенно важно обеспечить права коренного населения на землю, т. е. на кормовые, охотничьи, рыболовные угодья, подлежащие хозяйственному использованию. В этом отношении полезен опыт некоторых зарубежных стран, в особенности Аляски. Жители этого штата добились не формальной политической, а реальной экономической автономии. Земля вместе с ее недрами является на Аляске не государственной и не частной собственностью, а общественной [20].

В заключение остается напомнить, что в размещении различных коренных этносов, в особенностях их естественной географической среды, в характере хозяйственно-культурных типов существует многоступенчатая региональная и локальная дифференциация, связанная с ландшафтной структурой ареала МСН и подчиненная географическим закономерностям. Это обстоятельство определяет особую необходимость всестороннего применения ландшафтно-географического подхода при решении проблем жизнеобеспечения МСН.

Список литературы

- [1] Андрианов Б. В., Доскач А. С. Хозяйственно-культурная дифференциация народов мира и географическая среда // Природа. 1983. № 4. С. 44—53.
- [2] Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Сов. этнография. 1972. № 2. С. 3—16.
- [3] Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // Сов. этнография. 1975. № 3. С. 15—25.
- [4] Атлас Архангельской области. М.: ГУГК, 1978. 72 с.
- [5] Атлас народов мира. М.: ГУГК, 1964. 184 с.
- [6] Атлас Хабаровского края для общеобразовательных школ. Хабаровск: Роскартография, 2004. 34 с.
- [7] Атлас Якутской АССР. М.: ГУГК, 1981. 40 с.
- [8] География России. Энциклопедия / Гл. ред. А. П. Горкин. М.: Науч. изд-во Большая российская энциклопедия, 1998. 799 с.
- [9] Гладкий И. Ю. Географические основы этнической экологии. СПб., 2005. 307 с.
- [10] Исаченко А. Г. Ландшафты СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 320 с.
- [11] Исаченко А. Г. Экологическая география России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 328 с.
- [12] Исаченко А. Г. О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» // Изв. РГО. 2003. Т. 135. Вып. 1. С. 5—16.
- [13] Исаченко А. Г. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 319 с.
- [14] Клоков К. Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития // Этногеографические и этноэкологические исследования. СПб., 1997. Вып. 5. 91 с.
- [15] Клоков К. Б., Хрущев С. А., Ступин Ю. А. Динамика региональных популяций коренных малочисленных народов Севера (по данным всеобщих переписей населения Российской Федерации) // Этногеографические и этноэкологические исследования. СПб., 2007. Вып. 14. 84 с.
- [16] Клоков К. Б., Хрущев С. А., Бочарникова А. В. Этноэкологическая экспертиза воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера: теоретические и методологические подходы // Изв. РГО. 2012. Т. 44. Вып. 3. С. 38—44.
- [17] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. 243 с.
- [18] Масличенко В. А. Районирование территории Хабаровского края для этнографического туризма // Страноведение и регионоведение в решении проблем устойчивого разви-

- тия в современном мире. (Матер. конф., посвящ. 10-летию каф. страноведения и международного туризма СПбГУ). СПб.: ВВМ, 2010. С. 463—468.
- [19] Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика) / Под ред. А. И. Пика, Б. Б. Прохорова. М., 1994. 225 с.
- [20] Хикл У. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски — возможности для России. М.: Прогресс, 2004. 355 с.

Санкт-Петербург
greg.isachenko@gmail.com
Санкт-Петербургский
государственный университет

Поступило в редакцию
27 июня 2012 г.

Изв. РГО. 2012. Т. 144. Вып. 5

© Л. Н. КАРЛИН, В. Н. МАЛИНИН, А. А. ОБРАЗЦОВА

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОТОКА CO₂ В СИСТЕМЕ ОКЕАН—АТМОСФЕРА

Введение. Мировой океан (МО) является самым крупным резервуаром углерода на планете, его запасы более чем в 50 раз превосходят запасы углерода в атмосфере и в 15 раз — запасы углерода в экосистемах суши. В среднем МО поглощает 92 млрд т С/год, а выделяет в атмосферу 90 млрд т С/год [9], т. е. он является активным поглотителем углекислого газа, тем самым ослабляя антропогенный парниковый эффект, обусловленный выбросами от сжигания ископаемого топлива и производства цемента, которые составляют примерно 5.5 млрд т С/год.

В последние годы появились новые оценки результирующего потока CO₂ в системе океан—атмосфера. В обзорной работе [13] приводятся климатологические оценки годового потока CO₂, полученные как в результате прямых измерений, так и на основе математического моделирования углеродного цикла. Разброс оценок CO₂ находится в пределах от 1.8 [11] до 2.4 млрд т С/год [8] при среднем значении 2.1 млрд т С/год. Достаточно надежно известны также особенности географического распределения потока углекислого газа для средне-многолетних годовых условий [16, 17]. Однако пространственно-временная изменчивость потока CO₂ мало исследована, так как до последнего времени отсутствовали систематические данные за длительный период времени со всей акватории МО, хотя начиная с 1960-х г. количество измерений CO₂ (pCO₂) в поверхностном слое океана увеличивалось экспоненциальными темпами. В настоящее время свыше миллиона наблюдений передаются в центры обработки данных каждый год. Обобщенная Taro Takahashi и его рабочей группой в 1997 г. база данных [10], которая насчитывала тогда около 200 тыс. измерений pCO₂, к 2002 г. расширилась до 940 тыс. измерений, а в 2010 г. снова была обновлена и на сегодняшний день включает порядка 3 млн измерений, собранных в период с 1970 по 2008 г.

Это позволило группе исследователей [12], проделав поистине гигантскую работу, осуществить расчет потоков углекислого газа в узлах географической